

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 71 (8842) Четверг, 12 марта 1942 г. ЦЕНА 15 КОП.

СОВЕТСКИЙ СЛУЖАЩИЙ

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз заставило нас перестроить хозяйственную жизнь страны на новый, военный лад. По-военному должны работать и все государственные аппараты. Военная четкость, подлинность, исполнительность, полнота большинства оперативных указаний — вот качества, какие нужны сейчас каждому советскому служащему.

Наша партия, товарищ Сталин всегда придавали большое значение государственному аппарату, боролись за его укрепление и улучшение, за скорейшее бюрократических извращений, за повышение культуры в его работе. Государственный аппарат (и хозяйственный, как часть его) — это инструмент, исправная работа которого обеспечивает правильное исполнение на практике политической линии партии и советского правительства.

В военное время советский и хозяйственный аппарат призван обеспечить точное исполнение директив Государственного Комитета Обороны, Советского правительства по оборонительному фронту. Более того, этот аппарат становится составной, неотъемлемой частью всего военного организма страны. Это особенно наглядно видно, скажем, на аппарате оборонной промышленности, непосредственно снабжающей фронт оружием и боеприпасами, или железнодорожного транспорта, выполняющего боевые перевозки и восстановительные работы после захвата гитлеровской Армии.

Но не только хозяйственные пароматы близко связаны с оборонительным фронтом. Ватт Наркомвнудел. Он ведет госпланы, он отвечает за исполнение и восстановление здоровья раненых воинов, за их возвращение в ряды Действующей армии. Ватт Наркомвнудел — телеграф, радио, телефон, почта вызывают прямые военные задания Командования и в то же время обязаны обеспечивать нормальную доставку переписки фронта с тылом. Местные советские органы — это в то же время органы противовоздушной и противохимической обороны. Любое учреждение, обслуживающее бытовые нужды населения, тоже участвует в деле обороны, ибо оно призвано крепить тыл — опору фронта.

С какой гордостью наши рабочие и работники, выполняющие продукцию для Красной Армии, говорят: «Мы выполняем военный заказ!». Но исполнение заказа не в духе вынужденности, а в сознательности, в главле, в самоуправлении, в его отдаче. Прямое стимулирование производства, своевременная оплата, своевременная выплата заработной платы, своевременная выплата пенсий — это те стимулы, которые должны побуждать каждого советского служащего к выполнению своего военного задания. «И вы должны работать четко».

Мы всегда боремся за экономный, сжатый аппарат. Радужные штаты были его болезнью. Далеко не всегда его лечили достаточно решительно, как того требовали война и правительство. В военное время надо экономить во всем, в том числе и на советском аппарате. Он должен быть сжат до предельно возможного и в то же время работать четко.

Советские служащие — отряд советской интеллигенции — вместе с рабочим классом и крестьянством отдают свои силы делу полного разгрома немецко-фашистских оккупантов.

Сотни тысяч служащих сражаются на полях битвы с врагом. В тылу наши служащие показывают немалые образцы работы по-военному. Многие служащие по примеру рабочих трудятся за двоих и за троих. Часть работников учреждений, контролеров перевозок непосредственно на производство. На Горьковском автозаводе имени Молотова, например, несколько сот служащих из заводоуправлений и контор перешли на работу в цехи. Это очень ценное начинание.

Передовые служащие сами проявляют инициативу в сокращении аппарата. Главный бухгалтер одного из трестов Читинской области тов. М. Трошинский в письме в «Правду» сообщает, что в тресте сократил управленческий и нехозяйственный аппарат на 136 человек, тем не менее работа не только не ухудшилась, в течение многих лет бухгалтерский учет велся на 26 баллахов. Это число сначала сократили до 17, затем до 8, а теперь до 5. Только благодаря такой рационализации, без ущерба для дела, число счетовых работников уменьшено со 177 человек до 78. В конторах людей стало меньше, расход средств сократился, зато учет улучшился.

Наряду с многочисленными примерами самоотверженной работы служащих на благо родины есть факты, показывающие, что не все работники аппарата понимают свою роль в дни Отечественной войны. Есть еще в учреждениях немало бюрократизма, волокиты. Не понимают, что в военное время вся жизнь страны должна идти на повышение скорости, и так же, как темпы решают на производстве, так решают они и в работе учреждений. Достаточно запоздать с высылкой задания, не ответить вовремя на запрос завода, как на производстве могут возникнуть серьезные затруднения. На местах работники заводов часто жалуются, что главные и пароматы не реагируют быстро на их нужды. Иногда вопросы решаются месяцами, тогда как даже потеря часов во время войны непростительна. Больше работы, больше ответственности! — вот что требуется от каждого служащего.

Но всегда четко работают служащие учреждений, обслуживающих бытовые нужды трудящихся. В частности, много паракант, и паракант справедливый, на почту. Есть факты, когда письма задерживаются, а в иных случаях и пропадают. Печально, а в ряде случаев и пропадают. Печально, а в ряде случаев и пропадают. Печально, а в ряде случаев и пропадают.

Честность перед государством и народом надо воспитывать в каждом советском служащем. В то же время надо решительно бороться с недобросовестными элементами, ослабляющими дело обороны, истощающими силы фронта и населения.

Работать с максимальной ответственностью, лучше, чем в мирное время — такая задача каждого учреждения, большого и малого. Работать по-военному точно и оперативно, при решении любого вопроса исходить из интересов фронта! — такое требование к каждому советскому служащему, какой бы пост-большой или малый — он занимал.

Честная, энергичная, инициативная работа советского служащего делает его активным помощником Красной Армии.

Красная Армия продолжает жать немцев на запад. Вражеские войска несут большие потери в людях и технике. Только на Калининском фронте с 5 февраля по 8 марта нашими войсками уничтожено 277 вражеских самолетов, захвачено и уничтожено около 120 танков, более 310 орудий, несколько тысяч автомашин, большое количество оружия и боеприпасов. За это время в районе Калининского фронта гитлеровцы потеряли убитыми 49.700 солдат и офицеров. Еще 161 населенный пункт освобожден от немецких оккупантов.

Воины Красной Армии! Продолжайте громить врага! Советские люди на захваченной врагом земле ждут вас, своих славных освободителей!

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

ТРОФЕЙ ВОЙСК КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 5 ФЕВРАЛЯ ПО 8 МАРТА 1942 ГОДА

За период с 5 февраля по 8 марта войсками КАЛИНИНСКОГО фронта ЗАХВАЧЕНЫ у противника следующие трофеи: танков — 78, орудий разных калибров — 172, минометов — 209, станковых и ручных пулеметов — 824, противотанковых ружей — 181, автоматов — 568, винтовок — 3.432, автомашин — 1.177, повозок — 300, кухонь — 8, радиостанций — 30, паровозов — 2, гранат — 9.000, мин — 10.500, снарядов — 7.000, патронах винтовочных — 2.000.000, 2 эшелона и 2 склада с боеприпасами, 2 вещевых склада.

За это же время сбито в воздушных боях, огнем зенитной артил-

лерии и уничтожено на аэродромах 277 немецких самолетов, подорван бронепоезд с десантом автоматчиков, уничтожено 39 танков, 142 орудия, 70 пулеметов, 2.629 автомашин, 27 мотоциклов, 1.374 повозки, 2 паровоза, 104 железнодорожных вагона, 17 цистерн, склад горючего и 7 складов со снарядами.

За период с 5 февраля по 8 марта немцы потеряли в районе Калининского фронта убитыми 49.700 солдат и офицеров.

Освобожден от немецких оккупантов 161 населенный пункт.

СОВИНФОРМБЮРО.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ 11 МАРТА

В течение ночи на 11 марта на ряде участков фронта советские войска вели наступательные бои против немецко-фашистских войск.

Бойцы гвардейской части под командованием тов. Митронова за один день боев захватили три населенных пункта и захватили вражеский танк, 4 пулемета, 3 орудия. Гитлеровцы понесли большие потери. Захвачены пленные.

Наши части, действующие на отдельных участках Ленинградского фронта, за два дня боев с противником разрушили 12 деревенских огневых точек, 27 блиндажей и землянок и повредили крупный немецкий склад с боеприпасами. Противник за это время потерял убитыми 1.500 солдат и офицеров.

В течение 11 марта наши войска вели упорные наступательные бои на многих участках фронта. Вражеские войска несут большие потери в людях и технике.

По уточненным данным, за 8 марта советской авиацией уничтожено 39 немецких самолетов, как об этом сообщалось ранее, а 83 немецких самолета, в том числе 39 трехмоторных транспортных самолетов «Ю-52».

За 10 марта уничтожено 19 немецких самолетов. Наши потери — 5 самолетов.

В течение 10 марта частями нашей авиации уничтожено и повреждено около 180 автомашин с войсками и грузами, 45 повозок с боеприпасами, 5 орудий, 2 эшелона железнодорожных поездов, 2 склада с боеприпасами и 1 склад с горючим, разрушен железнодорожный эшелон, расклевано и частично уничтожено до батальона пехоты противника.

Одна наша часть (Юго-Западный фронт) захватила несколько населенных пунктов. Противник оставил на поле боя 650 трупов. Среди захваченных трофеев 11 орудий, 55 пулеметов, 32 автомата, 400 винтовок, 25 минометов, 4 противотанковых ружья, 60.000 патронов, 6.800 мин, 1.800 гранат, 100 лошадей, один танк, 5 радиостанций и другие военные имущества.

Наша гвардейская часть, действующая на Калининском фронте, за два дня уничтожила 450 немецких солдат и офицеров. Артиллеристы этой части прямой артиллерийской подачей 4 вражеских танка. На другом участке наши бойцы прорвали укреп-

Салитар Горюнов под огнем врага вынес с поля боя 14 раненых бойцов вместе с их оружием и оказал им первую медицинскую помощь.

Успешно действовали в боях за населенный пункт С. бойцы минометной роты. В этом районе противник предпринял несколько контратак, но каждый раз был вынужден откатываться, встречая ураганный огонь минометчиков. Немцы оставили на поле боя до 75 трупов. Особенно отличился в боях за населенный пункт Салитар Горюнов и наводчик Крутихин.

Пленный офицер 8 роты 460 полка 260 немецкой пехотной дивизии Вильгельм Лепер рассказал: «Наша рота понесла тяжелые потери. Несмотря на неоднократное пополнение, в ней осталось

лишь 60 человек. Прибывающие в нашу часть резервисты, как правило, в возрасте от 35 до 45 лет. Они плохо обучены и мало боеспособны. Большие потери наша рота понесла и в командном составе. Выбыв на строя два командира роты. Сейчас их командует фельдфебель. Условия, в которых находятся наши солдаты, буквально невыносимы. Мы все заморозили. Каждый день умирает кто-нибудь в морозы. Теперь уже почти никто не верит в победу Германии. Все разговоры между солдатами сводятся к одному: «Когда мы вернемся домой?»

Пленный солдат 11 роты 375 полка 213 немецкой пехотной дивизии Адольф Бойм рассказал: «23 февраля русские предприняли сильную атаку на деревню, в которой стояли подразделения нашего полка. Русские танки косили наших сол-

дат огнем и давили гусеницами. Падали немощные солдаты. Бойцы и офицеры пытались скрыться, но бежать было некуда. В живых осталась только небольшая группа солдат. Они подняли руки и сдались в плен».

У убитого немецкого унтер-офицера Вильгельма Ор найден неоправданный письмо к жене в Берлине. В нем говорится: «Русские атакуют нас, и мы должны отступить. Что же будет весной? При этой этой мысли мне становится страшно... Сегодня я сам не свой; я не знаю, что со мной творится».

700 тонн нефтепродуктов сверх нормы перевозят за каждый рейс перевозкой танкер Каспийского моря, под командованием тов. Псков.

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 11 МАРТА

В довершение коммюнира батальона 21 пехотного полка 17 немецкой пехотной дивизии обер-лейтенанта Фруауит «О состоянии подразделения на 20 февраля 1942 года» говорится: «В результате ожесточенных боев, длившихся место во времени подачи последнего довершения, пополнение, полученное 3 января 1942 года за счет артиллеристов, полностью выведено из строя, а пополнение, поступившее 12 февраля из Германии, имеет большие потери. Три четверти всех людей батальона в лазарете, но в связи с большими потерями личного состава они не могут быть освобождены от несения тяжелой службы. Моральное состояние солдат сильно пошатнулось. Пополнение, прибывшее 12 февраля, в большинстве своем пожилые люди с недостаточной военной подготовкой, и лишь единицы знают пулемет. Для наступления эти люди не годятся, а для обороны приходится их использовать при строжайшем наблюдении со стороны начальников. Частично эти люди прикомандированы к другим подразделениям».

Вечером 9 марта уничтожили 5 немецких танков, 8 минометов, 26 автомашин, 6 пулеметов, 8 повозок, разрушили 37 опорных пунктов противника, расклевали и частично уничтожили до 350 немецких солдат и офицеров. В этот день отпущены лейтенанты Шалаев и Крутихин на 5 раз детали на боевые войска противника. По 4—5 боевых вылетов сделали лейтенанты Харченко, Павлов и Борисов.

Во время атаки укрепленного противника населенного пункта В. один из наших танков был поражен и оставался в распоряжении противника. В танке остался механик-водитель Ковалев. В течение двух дней т. Ковалев пробовал в машине, отстреливаясь от врага. Выбрав немцев из населенного пункта, наши бойцы вырвали из танка танкиста.

Партизанский отряд товарища К., действующий в одном из районов Харьковской области, оккупированных немцами, за полтора месяца уничтожил 24 немецких автомашин и 7 повозок с боеприпасами, сжиганием и продовольствием, повредил в нескольких местах телеграфную линию и вырезал 10 километров подводного телефонного кабеля. За это же время партизаны уничтожили более 150 немецко-фашистских оккупантов.

В довершение коммюнира батальона 21 пехотного полка 17 немецкой пехотной дивизии обер-лейтенанта Фруауит «О состоянии подразделения на 20 февраля 1942 года» говорится: «В результате ожесточенных боев, длившихся место во времени подачи последнего довершения, пополнение, полученное 3 января 1942 года за счет артиллеристов, полностью выведено из строя, а пополнение, поступившее 12 февраля из Германии, имеет большие потери. Три четверти всех людей батальона в лазарете, но в связи с большими потерями личного состава они не могут быть освобождены от несения тяжелой службы. Моральное состояние солдат сильно пошатнулось. Пополнение, прибывшее 12 февраля, в большинстве своем пожилые люди с недостаточной военной подготовкой, и лишь единицы знают пулемет. Для наступления эти люди не годятся, а для обороны приходится их использовать при строжайшем наблюдении со стороны начальников. Частично эти люди прикомандированы к другим подразделениям».

Перешедший на нашу сторону финский солдат Вийне Невранта из отдельного финского батальона «Нирис» рассказал:

«В стране и армии нарастает возмущение против правящей клики Маннергейма. Роты, пропавшие в Гитлеру. В некоторых воинских частях имели место стихийные выступления против войны. Солдаты полка «С» 26 пехотной дивизии отказались идти в бой. Командование армии отдало многих солдат под суд, а полк расформировало. Дезертирство из армии принимает все более широкие размеры. Тюрмы и лагеря

переполнены арестованными. Например, в тюрьме местечка Сукова было 700 заключенных дезертиров. Многие вооруженные дезертиры скрываются в землянках, в лесных избушках. Они ведут партизанскую борьбу против шпикеров и полиции, совершают диверсионные акты. Незадолго от деревни Баркила действовал отряд дезертиров численностью в 100 человек. Этот отряд взорвал железнодорожный мост в Баркила».

Немецкой обер-фельдфебелю К. Вернер писала Георгу Кунцу в Берлине: «Надеюсь, что в весне нас отведут в тыл. Ведь мы представляем собой какой-то сброд».

По требованию германского командования венгерские закон Гитлера подготовили для отправки на советско-германский фронт маршевую роту 1 гонимого полка. Узнав об этом, солдаты отказались ехать на фронт. Несмотря на угрозы командования, они категорически заявили, что не будут воевать против советской армии. Венгерские власти жестоко расправились с отказавшимися повиноваться солдатами. Унтер-офицеры были арестованы и брошены в тюрьму. Солдаты под усиленной охраной отправлены из г. Будапешта в г. Сегед.

Трудящиеся Узбекистана за время войны внесли в фонд обороны СССР 57.492 тысячи рублей денег, из 56.327 тысяч рублей облигаций государственных займов, много золотых и серебряных вещей. В фонд обороны внесено также 2.777.518 килограммов хлопка-сырца, 17.962 килограмма коконов, большое количество кож, шерсти и других сельскохозяйственных продуктов.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О присвоении звания Героя Советского Союза лейтенанту государственной безопасности тов. Солнцеву С. И.

За отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецких захватчиков, присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» лейтенанту государственной безопасности Солнцеву Сергею Ивановичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.
Москва, Кремль, 11 марта 1942 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении орденом Трудового Красного Знамени т.т. Савченко А. А. и Мандич П. П.

За образцовое выполнение Правительственного задания по производству вооружения наградить орденом Трудового Красного Знамени:

1. Савченко Аполлона Андреевича.
2. Мандич Поликарпа Павловича.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.
Москва, Кремль, 11 марта 1942 г.

СЕМЬ ПРОТИВ ДВАДЦАТИ ПЯТИ

ПОДРОБНОСТИ ВОЗДУШНОГО БОЯ СОВЕТСКИХ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ С ФАШИСТСКИМИ САМОЛЕТАМИ

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. 11 марта. (Спец. вон. нпр. «Правда»). Сегодня в «Правде» напечатано сообщение о воздушном бое семи советских истребителей против 25 фашистских самолетов. Газета «Красная Армия» печатает статью участника этого боя лейтенанта В. Скотного.

— Днем 9 марта, — пишет тов. Скотный, — семерка наших истребителей поднялась в воздух и вылетела в район боевых действий советской пехоты. Впереди летел командир эскадрильи капитан Еремин, справа — капитан Запругаев, слева — я. Лейтенанты Седов и Саломатин следили за одним фашистом, лейтенант Мартынов и старший сержант Король — за другим. Четким боевым строем мы шли при-

крыть наступающие пехотные подразделения от воздушных атак противника.

Ровно в 13 часов мы появились над лесом, в котором шли ожесточенные упорные бои. Я смотрел во все стороны. Вдруг вижу — севернее нас на высоте примерно 2.000 метров идут вражеские самолеты. Там было 18 истребителей «Мессершмитт-109» и 7 бомбардировщиков «Юнкерс-87» и «Юнкерс-88». Даю знать Еремину. Он сразу же повел всех нас в атаку.

Завидя нас, бьет «Юнкерс» выжидая, чтобы в порядке истребителей. Мы врзаемся в самую гущу фашистских истребителей, расстреливая их из пушек и пулеметов. Каждый выбрал себе

цель. Я стрелял в крайнего «Мессершмитта» (за него стрелял и я). Видно, моя очередь не привнесла ему вреда. Он отвалил в сторону и бросился на капитана Запругаева.

Я нырнул вниз прямо в пикировавшего «Юнкерса». Дал очередь. «Юнкерс» вынул, задымился и резко пошел на снижение. Побил! Делая боевой разворот и обкручиваясь на ближайшего «Мессершмитта». Он — на меня. Летим друг на друга. Открываем огонь. Правое крыло у врага горит. Он падает на землю.

У меня тоже не все в порядке. Повреждено оканье. В кабине полно дыма. Опаляю нас — три минуты еще могу пролетать в воздухе. Два вражеских истреби-

тели атаковали капитана Еремина. Скорей, думаю, на выручку! Атакую снизу. Стервятники — вражескую. И капитан, и я бросаемся вонючку. Фашисты отстреливаются. Вдруг на моем самолете вспыхнула пламя. Ныряю вниз. Не тухнет. Бросаюсь в бок. Не тухнет. Добился к своему аэродрому на горящем самолете.

А капитан Еремин в это время подстрелил еще одного стервятника. Всего в этом воздушном бое наша семерка сбила пять вражеских самолетов. Все наши машины вернулись на аэродром. Накануне мы тоже прикрывали боевой разгром наших наступающих пехотных подразделений и сбил четыре фашистских самолета. Лейтенант В. СКОТНЫЙ.

Отважные патриоты-летчики, одержавшие победу над 25 вражескими самолетами (слева направо): командир эскадрильи капитан Б. ЕРЕМИН, капитан Н. ЗАПРУГАЕВ, лейтенант М. СЕДОВ, лейтенант А. САЛОМАТИН, лейтенант В. СКОТНЫЙ, лейтенант А. МАРТЫНОВ и старший сержант Д. КОРОЛЬ.

В НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ ОБОРОНЫ

О введении персональных воинских званий инженерно-техническому составу авто-бронетанковых войск Красной Армии

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны Народный Комиссар Обороны приказал:

1. Ввести с 1 апреля 1942 года для инженерно-технического состава авто-бронетанковых войск Красной Армии воинские звания:

техник-лейтенант,
старший техник-лейтенант,
инженер-капитан,
инженер-майор,
инженер-подполковник,
инженер-полковник,
генерал-майор инженерно-танковой службы,
генерал-лейтенант инженерно-танковой службы,
генерал-полковник инженерно-танковой службы.

2. Военным советам фронтов, округов и армий в двухмесячный срок пересмотреть весь инженерно-технический состав, имеющий звание до воевтехника I ранга включительно, и присвоить новые воинские звания в соответствии с пунктом первым настоящего приказа.

На инженерно-технический состав от военинженера 3 ранга и выше представить аттестационный материал Управлению кадров авто-бронетанковых войск Красной Армии к 15 апреля 1942 года.

3. Сроки выслуги в воинских званиях для инженерно-технического состава авто-бронетанковых войск строевых частей, действующих на фронте, установить: техник-лейтенант — 4 месяца, старший техник-лейтенант — 6 месяцев, инженер-капитан — 6 месяцев, инженер-майор — 8 месяцев, инженер-подполковник — 10 месяцев.

Присвоение воинских званий до старшего техника-лейтенанта включительно производить военным советам фронта и армии. Присвоение воинских званий от инженер-капитана до инженер-полковника включительно производить приказами Наркомата Обороны.

Военным советам фронтов и армий предоставлять право в отдельных случаях, при наличии выдающихся успехов в работе или особых заслуг, присваивать внеочередные воинские звания до старшего техника-лейтенанта включительно и представлять на внеочередное присвоение воинских званий от инженер-капитана и выше.

4. Форму одежды и знаки различия для инженерно-технического состава авто-бронетанковых войск Красной Армии установить одинаковые с командным составом. Ввести эмблему на петлицах установленного для инженерно-технического состава Красной Армии образца.

Юго-Западный фронт. Бойцы-автоматчики подразделения старшего сержанта М. Никитина с боем обходят врага, засевшего в населенном пункте. Фото Н. Фоминина.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА СТАЛИНСКИХ СОКОЛОВ

Разговор по прямому проводу со штабом ВВС Юго-Западного фронта

Вчера корреспондент «Красной звезды» связался по прямому проводу со штабом военно-воздушных сил Юго-Западного фронта. В аппарате подошли начальники штаба генерал-майор Шкурин и его заместитель полковник Перминов. По просьбе корреспондента начальник штаба сообщил о некоторых деталях воздушного боя, разыгравшегося 9 марта на одном из участков Юго-Западного фронта между семью немецкими истребителями и пятью советскими.

Далее запись разговора по прямому проводу.

Корр.: Просьба дать краткое тактическое описание воздушного боя.

Нач. штаба: Инициатива этого воздушного боя принадлежала нашим летчикам. Предприняв атаку, они заставили немцев расколоться и поочередно нанести ему удар за другим. Первой атаке подверглись вражеские бомбардировщики. Наши самолеты обратили их в бегство до того, как начались бой с истребителями.

Наноса удар по «Мессершмиттам», наши летчики раскололи на две группы восемь немецких истребителей, разбивших в сердцевины неприятельского строя. Одной из характерных черт этого боя является тесная взаимопомощь, товарищеская выручка. Когда в бою на самолет летчика Скотного нависла группа неприятельских машин и пыталась захватить его, на выручку появился летчик Седов. Он зашел одному из вражеских самолетов в хвост и, отрыв огонь, заставил его круто свернуть в сторону. В другой раз на выручку товарищу пошел старший сержант Король и предотвратил его гибель.

Другая характерная черта этого воздушного боя заключается в его быстротечности и подвижности. Он продолжался всего четверть часа. В процессе боя наши летчики широко использовали все виды маневров как по горизонту (выпрыжки) и по вертикали (пикирование), так и боевые развороты. Бой еще замечателен тем, что все атаки были произведены со сравнительно небольших высот.

Нач. штаба: Схватка разгорелась непосредственно над полем боя. Командиры и красношерстные наших наземных частей видели этот бой с начала до конца. Когда стали падать взрывоопасные пламями немецкие самолеты, многие бойцы аллоцировали наших летчиков с земли, бросали в воздух ушастики, потрясали винтовками.

Корр.: Как руководил воздушным боем капитан Еремкин?

Нач. штаба: Своим успехом наши летчики во многом обязаны капитану Еремкину. Он мгновенно принял решение атаковать врага, быстро претворил это решение в жизнь, и враг был дезориентирован. Остатки немцев в итоге перед восемью нашими истребителями, капитан Еремкин первым пошел на врага и метким огнем сбил первый «Мессершмитт». Пример командира воодушевил остальных, — в следующем несколько минут летчики уничтожили еще три машины.

Корр.: Сообщите краткие биографические данные капитана Еремкина.

Нач. штаба: Капитан Еремкин — опытный командир советской авиации, участник боев у озера Хасан. В авиации служит более десяти лет. В первые годы был авиационным техником, а затем летчиком. Капитан окончил авиационную школу и летное училище.

Корр.: Благодарим за беседу.

НЕМЦЫ МОБИЛИЗУЮТ РАБОЧИХ ВОЕННЫХ ЗАВОДОВ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. 11 марта. (Спец. корр. ТАСС). Выйти в плен обречен исторический отряд 10-го армейского корпуса Генрих Присс сообщил:

— Я работал на военном заводе в Любеке, — рассказывает Присс. — Мы изготовляли боеприпасы для пехоты. 17 января 1942 года меня мобилизовали, и я сразу попал в маршевый батальон, прямо на фронт.

В нашем батальоне было 800 человек, почти все они работали на военных предприятиях в Германии. Мне известно, что с нашего завода мобилизовано одновременно со мной около 2 тысяч человек. В январе по всей Германии были проведены большие мобилизации. В большинстве своем призваны рабочие военных заводов.

Неуклюжая тетка в большом байковом платке набрала на мое в темноте, испуганно вскрикнув:

— Ай, это ты здесь?

— Я — сказала девушка, сжимавшая на ступеньках. — Это я — Поля.

— Чего ж ты не башкишь-то... Ведь тревога гудит! Сейчас бомбы тебе на голову пойдут.

— Вот я и жду... — спокойно сказала Поля.

— Чего ж их ждать-то, спускайся в убежище.

— Моя служба такая. Иди, иди, тетка, а то и выпрыгну тебя заборот...

— И пойдешь. А она, иди, сиди на ступеньках — безстрашная как...

— Я не безстрашная, я — разведчица.

Поля сидела на ступеньках и во все глаза следила за небом, на котором пересеклись друг друга прожекторы. Дождь шел, поспевая красными пятнами, золотые нити трансиррирующих путей уходили в синий купол, и над всем стояло призрачное, враждебное гудение лопастей дальних самолетов. И, всем телом сжавшись, ждала она того страшного звывания, гудя и огненного пелены, который должен сейчас возникнуть. И Поля первая бросилась туда, чтобы просигнализировать в штаб местной обороны, куда ударил бомба.

Взглянув голову в худенькие свои плечи, закрыв глаза, слушала она нарастающий вой. Раскалывающий голову удар пронесся по улице. Теплая волна ударила в уши, толкнула в грудь. Поля вскрикнула, плакала, и уже бежала по улице туда, где только что упала бомба, и она стояла на рассыпанном обломках. Свежие разрывы вставали в темноте ночи. Звоним изобретательной стеной терли высоко над девушкой, улица была усыпана обломками, битым стеклом, каким-то невероятным сором. Через миг она уже стояла на соседнем доме о размерах бешены. И сейчас же бросилась в тень развалин, откуда слышались крики, стоны, вопли.

Так было всю ночь. Никто быстрее ее не обнаружил, она была одна, никто не ушел так самоотверженно работать, так ухаживать за ранеными, так проносить целую ночь среди патающихся стен, рушащихся балок и дымящихся перекошенными лицами. Особенно ушло она оттаптывала детей.

Шли, отбывая долг отбывающей стороной, она садилась и смотрела на работу спасательных команд как будто со стороны. Развороченные дома, темный город, мелькавшие в руках людей маленькие фонарики — все ей казалось несвоеобычным, отсутствующим, несбыточным.

Весь был как будто — мирные, веселые, с огнями трамваев, с песнями, танцами, монологом... Да, все это было. Все это было. А сейчас...

— Что же это я засиделась! — кричала она себе и вскакивала и снова помогала таскать, разгребать щебенку, работать киркой и лопатой.

Она стояла удивительно спокойной, твердой в решении, крепкой нервами. Ее ничто не могло уже удивить.

Раз, прибежав, она увидела при лунном свете, как высоко над грудой рухнувших этажей, точно в воздухе, стоит женщина в отпущенной рубашке, прижавшись к остатку стены, в угад, случайно упавшему на пятый этаж. Женщина стояла, как статуя, как мертвая, упершись руками в углы стены справа и слева. И Поля смотрела, не отрываясь, на белое пятно на рубашке. Она ждала только о том, как бы поскорее оттуда достать и как это сделать.

Другой раз прямо на нее бежала молодая с распущенными волосами женщина, прижимая к груди ребенка. Испуганная, она бежала так через весь город. Поля схватила ее в объятия, погнав по голове, сказала:

— Вот и все!

— Что все? Что все? — забормотала женщина.

— Все, — сказала Поля, — уже все! Больше страшно не будет. Сиди, отходи. Сейчас я тебя укрою...

И она отвела сразу успокоившуюся женщину на санитарный пост.

Сильно она перетаскала раненых, ушибленных, неслучайных, эта хрупкая девушка с большими, слегка углубленными глазами, скользкими усиками, обидчивая, даже рассерженная своими острыми словечками, озабоченная истопкой!

— Скоро кончатся булени, признаются Поля, — говорили подружки. — у тебя уже и котик сплелсясь приблизился.

Бомбеж сменился бомбардировками. Это было не так шумно, но подбирать раненых на улице в темноте, под влосколов и свет проносился над головами сварадов было делом неслыхным. Поля подбирала, десятки раненых перетаскала она на своей спине.

Огневой налет в тот отвратительный холодный, она садилась и смотрела на работу спасательных команд как будто со стороны.

Весь был как будто — мирные, веселые, с огнями трамваев, с песнями, танцами, монологом... Да, все это было. Все это было. А сейчас...

— Что же это я засиделась! — кричала она себе и вскакивала и снова помогала таскать, разгребать щебенку, работать киркой и лопатой.

Она стояла удивительно спокойной, твердой в решении, крепкой нервами. Ее ничто не могло уже удивить.

Раз, прибежав, она увидела при лунном свете, как высоко над грудой рухнувших этажей, точно в воздухе, стоит женщина в отпущенной рубашке, прижавшись к остатку стены, в угад, случайно упавшему на пятый этаж. Женщина стояла, как статуя, как мертвая, упершись руками в углы стены справа и слева. И Поля смотрела, не отрываясь, на белое пятно на рубашке. Она ждала только о том, как бы поскорее оттуда достать и как это сделать.

Другой раз прямо на нее бежала молодая с распущенными волосами женщина, прижимая к груди ребенка. Испуганная, она бежала так через весь город. Поля схватила ее в объятия, погнав по голове, сказала:

— Вот и все!

— Что все? Что все? — забормотала женщина.

— Все, — сказала Поля, — уже все! Больше страшно не будет. Сиди, отходи. Сейчас я тебя укрою...

И она отвела сразу успокоившуюся женщину на санитарный пост.

Сильно она перетаскала раненых, ушибленных, неслучайных, эта хрупкая девушка с большими, слегка углубленными глазами, скользкими усиками, обидчивая, даже рассерженная своими острыми словечками, озабоченная истопкой!

— Скоро кончатся булени, признаются Поля, — говорили подружки. — у тебя уже и котик сплелсясь приблизился.

Бомбеж сменился бомбардировками. Это было не так шумно, но подбирать раненых на улице в темноте, под влосколов и свет проносился над головами сварадов было делом неслыхным. Поля подбирала, десятки раненых перетаскала она на своей спине.

Огневой налет в тот отвратительный холодный, она садилась и смотрела на работу спасательных команд как будто со стороны.

В Совнарком СССР

Об обеспечении продуктами питания в пути следования поездных бригад

Ввиду трудных условий работы поездных бригад (машинистов, помощников машинистов, кочегаров, кондукторов, вагонных мастеров и начальников колесных маршротов) в пути следования на линии Совнарком СССР постановил выдавать, начиная с 13 марта, за плату каждому члену бригады в пути.

поездной бригады дополнительный паек (сверх нормы по карточкам) в размере: хлеба — 400 граммов, колбасы — 100 граммов, сахара — 20 граммов, табаку — 20 граммов на каждые сутки нахождения бригады в пути.

Три экипажа

(От специального военного корреспондента «Правды»)

В этом танковом подразделении почти все экипажи состоят из коммунистов и комсомольцев. Люди высокого мужества, они перестроили весь личный состав подразделения, а также своей отвагой и самоотверженностью все остальные танкисты, показывая, как нужно бороться с немцами захватчиками. Особенно известны в подразделении три танковых экипажа — коммуниста Петра Вирюкова и кандидата партии Григория Николаева и Петра Клеменова.

Петр Вирюков до войны работал инженером на одном из крупнейших заводов страны. Но призвал родину он в первые же дни стал танкистом. Уже немолодой, но еще крепкий человек, Вирюков быстро освоил новое, непривычное дело, стал командиром. Не прошло и месяца, как фанатичного и бесстрашного танкиста стала известна всему подразделению, а его экипаж завоевал право называться передовым. Не один вражеский танк побит и уничтожен экипажем Петра Вирюкова в боях за родину.

Нам рассказали о последнем бое, произошедшем недавно экипажем Вирюкова. Танк Петра Вирюкова поддерживал пехоту, наступавшую на населенный пункт. Наступавшие в село, механизмы-водители выжили партию Иван Сутков и повел машину на третьей скорости. Вирюков пригнул к прицепу пушки и пушечки и заставил в садах и на чердаках домов немцев автоматчиков спрыгнуть со спарил. Командир помогал из пулемета багнетный стрелок комсомолец Василий Темева.

На повороте второй убитый на встречную танку Вирюкова из дома выпрыгнул немецкий танк. Машинисты чуть не врезались друг в друга.

Впереди вражеский танк, — крикнул Сутков командиру.

— Вилу, — отозвался Вирюков, наводя на черный корпус немецкого танка свою пушку. Но стрелять по танку было нельзя: расстояние между машинами не превышало и десяти метров.

— Иди на таран, — приказал Вирюков механику-водителю.

Сутков быстро выключил сцепление и на третьей скорости обрушил свою машину на немецкий танк. Немецкие танкисты в локон испуге стали выскакивать из подбитого танка.

— Еле рал! — скомандовал Вирюков. Последовал еще удар. Одного из немецких танкистов, полыхавшего в сторону шель из автомата, Сутков раздала гусеницей, остальные уехали. Третьим ударом вражеский танк был свален набок и брошен в канаву.

Но броне танка с грохотом были снаряды немецких противотанковых пушек. По приказанию Вирюкова Сутков повел танк прямо на батарею. Гусеницами были раздавлены вместе с расчетом две пушки, третья пушка Вирюков пошла из орудия. Танкист был беспрестанно поминал автоматчиков из пулемета, убил не один десяток немцев. А последние тем временем заняли выгодные позиции.

В танке неожиданно задело скоростр. Он остановился. В этот миг из засады открыли огонь сразу два танка противника.

Родина высоко оценила подвиги героических танкистов. Военный совет фронта награждает наших экипажей Вирюкова и Николаева орденами: Петр Вирюков — орденом Ленина, Иван Сутков и Василий Темева — орденами Красного Знамени. Экипаж Григория Николаева награжден орденами Красного Знамени. В правительственной награды представлены и экипаж Клеменова.

Я. МАКАРЕНКО.

Южный фронт.

Потери 16-й немецкой армии растут

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. 11 марта. (Спец. корр. «Правды»). Ломая сопротивление врага, войска нашего фронта продолжают громить части 16-й немецкой армии, попавшей в окружение. За истекшие сутки от немцев оккупировано около семидесяти населенных пунктов, в том числе два районных центра. В одном из них нашими войсками захвачены большие трофеи.

Потери в людях и в технике, которые несут немцы в результате наступательных действий наших войск, огромны. К двенадцати тысячам солдат и офицеров, сложивших свои головы при разгроме трех фанатических дивизий, за последние дни прибавились тысячи новых. В довершение всего армия, попавшая, по выражению самих немцев, в котел, голодает.

На днях одна наша часть обнаружила на поле боя три приказа немецкого командования о продовольственном снабжении войск. В первом приказе говорится, что «всем частям разрешается употреблять в пищу конину. Все лошадей, которые выйдут из строя, не пригодны к употреблению в пищу, необходимо умерщвлять перерезанием шеи для освобождения туши от крови. Мясные, что выстрелом в голову можно освободить тушу от крови, перерезанием шеи. Употребление мяса конины, не освобожденного от крови, привело уже в ряде случаев к отравлениям и даже к смерти».

В другом приказе также подчеркивается необходимость подходить со строгой меркой к оценке прирванных лошадей, которые должны быть употреблены в пищу, хотя «существующее продовольствие»

ное положение принуждает к использованию всех лошадей, включая дохлых». Третий приказ имеет два раздела: «а) конское мясо, как обесцвеченное; б) приготовление пахты из конины».

В первом разделе констатируется, что в существующем продовольственном положении употребление свежего мяса для обесцвечивания или холодных закусок вместо хлеба не представляется возможным. Надо добиться, чтобы часть дохлых лошадей, которую невозможно использовать в пищу, как мясной рацион для обесцвечивания.

Второй раздел приказа напоминает выдержку из книги по кулинарии: «Приготовление пахты из конины уже хорошо было зарекомендовало в некоторых подразделениях линии и предлагается к использованию всем частям линии. Вкусный, питательный пахты без труда можно приготовить следующим образом: сырое мясо конины, выдержанное несколько дней на морозе, нарезать мелкими кусочками, как для гуляша, и посолить, и, если есть, добавить немного лука; предварительно в кастрюлю налить подогретую холодную воду. Наполненную кастрюлю плотно закрыть крышкой и поставить на горячую плиту, на которой мясо в течение 4—5 часов должно томиться. После этого оно становится мягким, и в холодном виде употребляется как мясные консервы на хлеб. Этот пахты отличается от говяжьих консервов лишь более темным цветом. Для приготовления не требуется жира».

Да, немцам не до жюри... И. ПАВЛОВСКИЙ.

Николай ТИХОНОВ

ЧЕРТЫ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

(ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАССКАЗЫ)

5. СТАРЫЙ ВОЕННЫЙ

Он был очень стар, и глаза его совсем ослабли. Все стояло у открытых окон, и он подползал, но ничего не видел. Тогда он сказал:

— Скажите мне, что там такое?

— Там на город, далеко где-то, поднимается в небо густой дым. Огрозные, как горы, облака белого дыма. И края их розовые от заката. А теперь дым становится синим. Он встает до небес...

— Это пожары? — спросил он. — Это дым?

— Да, — ответил ему.

Зенитки продолжали еще лениво постреливать.

...Он сидел над картами целыми вечерами. Он был старый военный педагог, географ, изобретатель — у него было много карт. Они всегда утащали его разрозненным своих линий, богатством земных очертаний, приподнятыми рельефами. Он видел сквозь эти синие узоры и коричневые пятна, сквозь зеленые и желтые полосы жизни могучей страны, большую, жаркую, свободную, растущую. Он знал, как год от году менялась эта карта.

Но сейчас он смотрел на карты окрестностей Ленинграда, болезненно морщил лоб, взгляд его становился упрямым и тусклым.

Трепс пулеметов был слышен недалеко.

— Нет, этого не может быть, — говорил он. — Нет, это невозможно.

Он возмущенно бросал лупу на карту и ходил по комнате большими шагами.

— И кому отдам? Немцам! Тупым, беспартийным, кровожадным убийцам детей и женщин, фанатам... Да, да, — бормотал он себе под нос. — Неужели генералы, эти самозванцы кулаки, они организаторы непокоя, они умеют воевать? — кричал он с слезливыми глазами. — Авиаторы, все их плахи — это разбойничьи банды, это расчистка на то, чтобы ослепить, разоружить, обескуражить... Не будет этого! Нас не про-

...Он сидел над картами целыми вечерами. Он был старый военный педагог, географ, изобретатель — у него было много карт. Они всегда утащали его разрозненным своих линий, богатством земных очертаний, приподнятыми рельефами. Он видел сквозь эти синие узоры и коричневые пятна, сквозь зеленые и желтые полосы жизни могучей страны, большую, жаркую, свободную, растущую. Он знал, как год от году менялась эта карта.

Но сейчас он смотрел на карты окрестностей Ленинграда, болезненно морщил лоб, взгляд его становился упрямым и тусклым.

Трепс пулеметов был слышен недалеко.

— Нет, этого не может быть, — говорил он. — Нет, это невозможно.

Он возмущенно бросал лупу на карту и ходил по комнате большими шагами.

— И кому отдам? Немцам! Тупым, беспартийным, кровожадным убийцам детей и женщин, фанатам... Да, да, — бормотал он себе под нос. — Неужели генералы, эти самозванцы кулаки, они организаторы непокоя, они умеют воевать? — кричал он с слезливыми глазами. — Авиаторы, все их плахи — это разбойничьи банды, это расчистка на то, чтобы ослепить, разоружить, обескуражить... Не будет этого! Нас не про-

...Он сидел над картами целыми вечерами. Он был старый военный педагог, географ, изобретатель — у него было много карт. Они всегда утащали его разрозненным своих линий, богатством земных очертаний, приподнятыми рельефами. Он видел сквозь эти синие узоры и коричневые пятна, сквозь зеленые и желтые полосы жизни могучей страны, большую, жаркую, свободную, растущую. Он знал, как год от году менялась эта карта.

Но сейчас он смотрел на карты окрестностей Ленинграда, болезненно морщил лоб, взгляд его становился упрямым и тусклым.

Трепс пулеметов был слышен недалеко.

— Нет, этого не может быть, — говорил он. — Нет, это невозможно.

Он возмущенно бросал лупу на карту и ходил по комнате большими шагами.

— И кому отдам? Немцам! Тупым, беспартийным, кровожадным убийцам детей и женщин, фанатам... Да, да, — бормотал он себе под нос. — Неужели генералы, эти самозванцы кулаки, они организаторы непокоя, они умеют воевать? — кричал он с слезливыми глазами. — Авиаторы, все их плахи — это разбойничьи банды, это расчистка на то, чтобы ослепить, разоружить, обескуражить... Не будет этого! Нас не про-

...Он сидел над картами целыми вечерами. Он был старый военный педагог, географ, изобретатель — у него было много карт. Они всегда утащали его разрозненным своих линий, богатством земных очертаний, приподнятыми рельефами. Он видел сквозь эти синие узоры и коричневые пятна, сквозь зеленые и желтые полосы жизни могучей страны, большую, жаркую, свободную, растущую. Он знал, как год от году менялась эта карта.

Но сейчас он смотрел на карты окрестностей Ленинграда, болезненно морщил лоб, взгляд его становился упрямым и тусклым.

Трепс пулеметов был слышен недалеко.

— Нет, этого не может быть, — говорил он. — Нет, это невозможно.

Он возмущенно бросал лупу на карту и ходил по комнате большими шагами.

— И кому отдам? Немцам! Тупым, беспартийным, кровожадным убийцам детей и женщин, фанатам... Да, да, — бормотал он себе под нос. — Неужели генералы, эти самозванцы кулаки, они организаторы непокоя, они умеют воевать? — кричал он с слезливыми глазами. — Авиаторы, все их плахи — это разбойничьи банды, это расчистка на то, чтобы ослепить, разоружить, обескуражить... Не будет этого! Нас не про-

...Он сидел над картами целыми вечерами. Он был старый военный педагог, географ, изобретатель — у него было много карт. Они всегда утащали его разрозненным своих линий, богатством земных очертаний, приподнятыми рельефами. Он видел сквозь эти синие узоры и коричневые пятна, сквозь зеленые и желтые полосы жизни могучей страны, большую, жаркую, свободную, растущую. Он знал, как год от году менялась эта карта.

Но сейчас он смотрел на карты окрестностей Ленинграда, болезненно морщил лоб, взгляд его становился упрямым и тусклым.

Трепс пулеметов был слышен недалеко.

— Нет, этого не может быть, — говорил он. — Нет, это невозможно.

Он возмущенно бросал лупу на карту и ходил по комнате большими шагами.

— И кому отдам? Немцам! Тупым, беспартийным, кровожадным уб

